

ISSN 1726-7870

ИСТОРИЯ

№4

Ежеквартальный журнал истории и культуры
России и Восточной Европы

НАУКА

И

ВЛАСТЬ

2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

НЕСТОР № 4

(2000 № 4)

*Ежеквартальный журнал
истории и культуры
России и Восточной Европы*

НАУКА И ВЛАСТЬ

*источники
исследования
рецензии*

Редактор номера

А.Р. Марков

Издательство
«Нестор-История»
СПбИИ РАН

Санкт-Петербург
2004

Нестор № 4 (2000, № 4). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. **Наука и власть**. Источники, исследования, рецензии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004.

Федеральная целевая программа «Культура России».
(Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Рецензенты:

д.и.н. *В.И. Мусеев*

к.и.н. *С.А. Исеев*

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries
The legal sale: <http://\nestor-historia.org>

ISSN 1726-7870

© «Нестор-История», 2004

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2004

И.Е. Сироткина, Р. Смит. Романтики знания: мотивы к высшему образованию у российских женщин XIX века	276
В.А. Шишкин. Политические настроения научно-технической интеллигенции и медиков высшей квалификации в годы нэпа (1922–1928 гг.)	289
А.Е. Рабинович. Евгений Рабинович: «Голос совести атомного века»	306

РЕЦЕНЗИИ

А.П. Купайгородская. О времени, о себе, о других... Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925. СПб.: Лики России, 2000. 311 с.	327
Е.А. Ростовцев. Ученый в контексте эпохи: Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 446 с.	336
А.Б. Ляровский. Судьба российской интеллигенции. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1999. 384 с.	343
А.Р. Марков. Broberg, Gunnar, Roll-Hansen, Nils, eds., <i>Eugenics and the Welfare State: Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway, and Finland.</i> East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1996, X+294 p. (<i>Uppsala Studies in History of Science, Volume 21.</i>)	348
Л. Хеймсон, Л. Вюла. Виктор Петрович Данилов (1925–2004)	359
Сведения об авторах	364

УЧЕНый В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ:

В.М. Панеях. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 446 с.

E.A. Rostovtsev. «A Scholar in Context of the Epoch». Review of the book V.M. Paneyah «Creation and Destiny of a Historian: Boris Alexandrovich Romanov». St. P.: Dmitrii Bulanin, 2000. 446 p.

Книга В.М. Панеяха «Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов» (С.-Петербург, 2000) — значительное явление в современной историографической литературе. Автор не только воссоздает образ выдающегося ученого, но и реконструирует историю его творчества в контексте развития российской науки и общества XX в. В.М. Панеях поставил перед собой задачу написать не просто «книгу ученика о своем учителе», но «работу об ученом», опирающуюся на «объективные свидетельства» (с. 9). В результате перед читателем разворачивается «плотина из фактов», которые дают ему возможность составить многомерный портрет Б.А. Романова (где «историк» — одна из граней личности) как бы независимо от автора и даже иногда не согласиться с его оценками. В этом — мастерство книги, написанной в традиции петербургской школы: автору удалось так «восстановить факты», что перед читателем возникает яркое «мозаичное» полотно полной драматизма судьбы героя книги, которое дает ему полную свободу для собственных интерпретаций, побуждает к постановке все новых вопросов и проблем. Приходится констатировать, что в современной историографической литературе таких книг немного¹.

На наш взгляд, в книге есть две основные темы, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Первая — Б.А. Романов как ученый петербургской исторической школы (ученик А.Е. Преснякова, последователь С.Ф. Платонова), продолжающий и развивающий ее традиции; и другая — Б.А. Романов как человек своей эпохи — времени революционных бурь начала XX в. и установления тоталитарного режима. В настоящей рецензии мы обратимся главным образом ко второй теме.

В.М. Панеяху удалось тонко проанализировать «семейные» и «социальные» корни своего героя (с. 12–18). Автор показал, что Б.А. Романов вырос в среде демократической интеллигенции. В.М. Панеях пишет о революционных настроениях Б.А. Романова в гимназические и студенческие годы (с. 17, 19), о его споре 1905 г. с академиком А.С. Лаппо-Данилевским, который не желал отдавать революции «объективные культурные ценности» (с. 29–30). Своей общественной позицией Б.А. Романов отличался и от консервативного С.Ф. Платонова и его круга, и от А.С. Лаппо-Данилевского, И.М. Гревса, С.Ф. Ольденбурга и других «дворян по воспитанию — с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократов по убеждению и по теории и по убеждениям»², но не готовых жертвовать «высшими» ценностями ради революции. По-видимому, Б.А. Романов оказался сделан из особого культурного теста: он являлся интеллигентом-разночинцем и скорее примыкал по своим общественным взглядам к своему учителю — А.Е. Преснякову. Именно тогда были заложены основы его жизненной стратегии, которую, с нашей точки зрения, можно определить как поиск компромисса между интересами общества и науки.

¹ Представляется, что по жанру наиболее близким к книге В.М. Панеяха является труд Б.С. Кагановича о Е.В. Тарле (см.: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995).

² А.Е. Пресняков — матери, 22 марта 1894 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 27. Ср.: *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 83.

В.М. Панеях отметил, что «ни у кого из известных мне ученых-историков их характерологические свойства не проецировались с такой отчетливостью на стиль и особенности исследовательских штудий, а внешние стороны поведения в повседневной жизни не соответствовали столь очевидно внутреннему миру» (с. 412). Кажется, автору удалось не только справиться с задачей изображения такой личности, но и дать читателю инструментарий для собственного «независимого» расследования. Уже в упомянутом выше споре с А.С. Лаппо-Данилевским, вернее, в его публичном описании самим Б.А. Романовым³, у последнего проявились черты своеобразной «театральности», которые и в дальнейшем влияли на творчество и поведение историка. Не было ли копирование форм научной работы предшественников частью игры, следствием склонности к «проигрыванию» различных культурных кодов? Как пишет В.М. Панеях, даже обширные рецензии, которые Б.А. Романов писал, он уподоблял не чему-нибудь, а отзывом на конкурсы по «уваровским премиям» (с. 164). Характерно, что и в научном исследовании в понимании Б.А. Романова «играет» и факт, и источник (см., например, с. 371), складывается впечатление, что ученый относится к истории, как к искусству, — во всяком случае, не как к строгой науке. «Театральность», несомненно, связана и с определенным и оправданным «эгоцентризмом» и даже тщеславием. Б.А. Романову важно было, чтобы каждая написанная им строчка была за ним «закреплена» (см., например, эпопею с историографическими комментариями к *«Правде Русской»* — с. 209, 212). Отсюда и постоянные жалобы самым разным адресатам: иногда одному на притеснения другого (см., например, с. 227, 323, 354, 355, 357). К своеобразным формам «самовлюбленности» и «эгоцентризма», возможно, относится и жалоба Б.А. Романова о том, что юбилей его научной деятельности (в 1948 г.) «никем не был отмечен» (с. 270), и поведение на юбилейном чествовании, устроенном в университете (с. 270—271), откровенная, но оправданная похвальба (см., например, с. 364). О том, как Б.А. Романов «выстраивал мир» вокруг себя, свидетельствуют и его отношения с учениками. Восприятие учеников как «сынов» (с. 343) — тоже в известной степени «собственничество», связанное с «эгоцентричным» (в хорошем смысле) взглядом на мир (с. 341—349). Ученики Б.А. Романова как бы вводились в «семью», а не только в «методологическую корпорацию».

В монографии воссоздаются взаимоотношения Б.А. Романова с представителями «старой школы» — С.Ф. Платоновым, А.Е. Пресняковым, А.С. Лаппо-Данилевским, А.А. Шахматовым, и с людьми совсем другой эпохи и другой науки — И.И. Смирновым, Д.С. Лихачевым, Н.М. Дружининым, и с более младшим поколением — со своими учениками (Н.Е. Носовым, Р.Ш. Ганелиным, А.А. Фурсенко, Б.В. Ананьичем, В.М. Панеяхом). Б.А. Романов представлен в ряду ученых «старой школы», пик научной карьеры которых пришелся на советскую эпоху и которым в полной мере пришлось адаптироваться к новым условиям научной работы. Среди них на страницах книги возникают фигуры Б.Д. Грекова, Е.В. Тарле, С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, А.И. Андреева, В.Н. Куна и других видных историков. Адаптация Б.А. Романова шла особенно тяжело, что поставило его в положение «аутсайдера» в советской исторической науке. В.М. Панеях считает, что для Б.А. Романова «как для интеллигента <...> было естественно критическое отношение к власти, какой бы она ни была», но он, однако, не был «привержен традиционным иллюзиям, стереотипам и мифам российской интеллигенции, не строил себе кумира, хорошо видел и понимал реальный мир» (с. 415). Вообще тема взаимоотношений науки и политической власти — центральная в книге. Автор справедливо указывает на то, что С.Ф. Плато-

³ Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С.181—186.

нов и его школа довольно рано начали сотрудничать с большевиками (с. 48), представляя это как вполне естественный процесс, вызванный встречными шагами власти. Для Б.А. Романова, как и для многих других, — это была работа в Центрархиве. Впрочем, в изложении автора не вполне понятно, почему сначала (в 1918 г.) власть привлекает к «ответственнейшему» архивному делу «беспартийных ученых» во главе с С.Ф. Платоновым, ибо «иного выхода у нее не было: она не располагала партийными, профессионально подготовленными кадрами» (с. 48), а затем (уже с 1920 г.) начинает «чистку» «чуждых советской власти ненадежных элементов» (с. 53). Как нам кажется, ответ следует искать и в особой — «более советской» — позиции той части «беспартийных специалистов», которых «оставляли» на службе (в том числе Б.А. Романова), а также в изменении позиции власти после окончания Гражданской войны. Вообще весь этот период (1920—1923 гг.) описан В.М. Панеяхом в одной перспективе — как время гонений на «буржуазную науку», последовавших за директивой Ленина 1920 г. (с. 53, 60, 61). В этой связи не вполне ясно, например, почему власть сначала позволила открыть Исторический научно-исследовательский институт (1921—1923 гг.), но очень быстро потребовала его закрытия (с. 60). Б.А. Романов в книге предстает как человек, первоначально пошедший на советскую службу как на «беспартийное и внеполитическое дело» (с. 52). Возможно, автор не был здесь вполне объективен: Б.А. Романов, конечно, мог на эту «беспартийность» «надеяться», но вряд ли всерьез на нее рассчитывал — в условиях «военного коммунизма» и «гражданской войны» — и особенно в работе с материалами, посвященными истории внешней политики «ненавистного» новому режиму царского правительства. Как показано в книге, Б.А. Романов и в новых условиях стремился сохранить научный пафос своих исследований, однако, на наш взгляд, он не мог не понимать, что объективно они способствуют политической пропаганде режима. Возможно, и то, что Б.А. Романов не ушел из Центрархива вместе с другими в 1923 г., связано прежде всего с тем, что ему вообще трудно давались решения, кардинально меняющие жизнь, а не с какими-то «надеждами» на восстановление «беспартийности» (с. 53) архивного дела. В.М. Панеях склонен предположить, что в своем лояльном по отношению к советской власти поведении Б.А. Романов следовал своему учителю А.Е. Преснякову, который руководствовался «гуманистическими стремлениями», а отнюдь не симпатиями к политическому режиму (с. 70)⁴. Известно, что многие ученые (А.С. Лаппо-Данилевский, И.М. Гревс, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, Г.В. Вернадский и другие) от сотрудничества с новым режимом отказались и фактически обрекли себя на эмиграцию или научную изоляцию. Сам Б.А. Романов в 1941 г., после десятилетия непрекращающихся гонений, начавшихся с «Академическим делом», образно назвал себя «аутсайдером» в науке, и автор перенес это утверждение и на 1920-е гг. (с. 79). В то же время из изложения следует, что Б.А. Романов тогда «аутсайдером» не был, а, напротив, являлся одним из лидеров «новой» науки не только с точки зрения «новаторства» метода и нетрадиционной исследовательской тематики, но и довольно успешной ученой карьеры: работа в Центрархиве, на историческом факультете, в исследовательских институтах при Петроградском университете, при РАНИОНе, при ЛОКА; публикации (пусть и с цензурными ограничениями) в ведущих научных журналах. Примечательно, что Б.А. Романов дольше других представителей «старой школы» (до 1927 г.) (с. 61)

⁴ Ср.: Жуковская Т.Н. А.Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX—XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 32.

оставался на преподавательской работе в Ленинградском университете. Впрочем, в другом месте начало «аутсайдерского положения» Б.А. Романова В.М. Панеях относит к 1933 г. (с. 185).

Особая тема — поведение Б.А. Романова во время «Академического дела». Глава, посвященная этой теме, написана особенно ярко: автор долгое время занимался историей организации этого политического процесса, готовил к изданию его материалы⁵. В.М. Панеях показал, насколько сильным был удар, нанесенный ученому, и как мученически тот его перенес. И все же, с нашей точки зрения, автору не удалось до конца избавиться от некоторой идеализации своего учителя. Так, В.М. Панеях пишет: «Несомненно, и С.Ф. Платонов и Б.А. Романов, говоря на допросах о “кружке молодых историков”, не предполагали, что их показаниям будет придан криминально-политический характер» (с. 131), что маловероятно, учитывая общий характер следствия. Как утверждает автор, «саморазоблачения Б.А. Романова не дали следствию новых фактов о самой “организации”, так как в показаниях Б.А. Романова не было названо ни одного имени ее членов, кроме С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле, о которых ему сообщили сами допрашивающие» (с. 137—138). Однако, по-видимому, так и добывались многие «новые факты»: назывались имена — появлялись подписи — следовали аресты. В данном же случае появлялись дополнительные («новые») свидетельства против обвиняемых. Автор исследует и обстоятельства «лагерной» судьбы Б.А. Романова. Примечателен эпизод, когда он «из солидарности с другими заключенными по политическим статьям отказался жить вне зоны», — поведение, связанное с кодексом чести русского интеллигента (с. 140).

Важная проблема, затронутая В.М. Панеяхом, — полемика со «злокачественными» оппонентами на их языке: в частности, с А.Л. Сидоровым (один из «генералов» советской исторической науки) в 1937 г. Б.А. Романов не только упоминал в полемике классиков марксизма, но и прозрачно «намекнул на рецидивы в воззрениях А.Л. Сидорова методологических установок, выработанных М.Н. Покровским и его учениками» (с. 168), по-видимому, прекрасно понимая, к чему это заявление в отношении А.Л. Сидорова может привести в том случае, если «сигнал» будет соответственно понят и использован властями. Безусловно, Б.А. Романов «отбивался» от еще более идеологизированных нападок оппонента, сам находясь в катастрофическом положении. В данном случае напрашивается параллель с полемикой, которую вел Е.В. Тарле с А.М. Панкратовой — также бывшей последовательницей М.Н. Покровского⁶. В.М. Панеях отметил, что «столь резкая перепалка между А.Л. Сидоровым и Б.А. Романовым не только не испортила их отношений, но и не помешала их последующему сближению» (с. 169). Этот феномен, как кажется, было бы интересно объяснить. Так же как и исследовать «культурную сторону» другого спора — между Б.А. Романовым и генералом (уже настоящим) А.И. Сорокиным, который в 1955 г. с русофильских позиций обрушился на «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» (с. 359—361). В своих напаках генерал был по-военному прямолинеен, что позволило уже «искушенному в политесе» Б.А. Романову легко с ними «расправиться».

Требует объяснения и поведение Б.А. Романова в ходе кампании «разоблаче-

⁵ См.: Академическое дело 1929—31: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. I: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Академическое дело 1929—31: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1998. Вып. II: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле.

⁶ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 80—85.

ния врагов народа» 1937 г., которая затронула и Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ). Примечательно, что Б.А. Романов тогда не работал в штате Института и, следовательно, скорее всего мог не присутствовать на «погромных» собраниях, проходивших «в обстановке проработки и самобичевания» (с. 173), но все же пришел и выступил довольно странным образом, по существу предложив либо констатировать провал работы Института (тогда «достаточно указать несколько примеров» с. 174), либо последовательно перечислить «работы, в которых допущены ошибки» (с. 174), что могло стать плохой услугой их авторам в условиях, когда «волна репрессий уносила из Института многих его сотрудников» (с. 173). В этой связи возникает вопрос (который неоднократно появляется у читателя в ходе чтения) о том, насколько адекватно Б.А. Романов воспринимал историографическую и политическую ситуацию, насколько его поведение было рациональным? Этот вопрос тем более актуален, что Б.А. Романов постоянно «вредил» не столько другим, сколько себе: многочисленными ссылками на А.Е. Преснякова как учителя (см., например, с. 250); критикой — часто без видимой «научной необходимости» — представителей касты «некритикуемых» — таких, как Б.Д. Греков (с. 251). Иногда «речи» Б.А. Романова производят действительно странное впечатление (например, приведенная автором на с. 275–277 речь, подготовленная Б.А. Романовым в апреле 1949 г. для «обсуждения» «Людей и нравов древней Руси»⁷). Более того, поведение Б.А. Романова неизменно противоречиво: собственное «покаяние» за «Людей и нравы...» (с. 281–282) он чередует с явно оппозиционными акциями — такими, как публичная защита гонимого С.Я. Лурье (с. 283). Возникает ощущение, что ученый вел с властью своеобразную «игру», которая одновременно являлась формой защиты и от внешней среды, и от собственной уже подорванной психики.

Еще один круг проблем, поднимаемый книгой: «*Quod licet jovi, non licet bovi*». У В.М. Панеях это представлено в противопоставлении Б.А. Романовым реакции властей на рассуждения Н.М. Дружинина («позволено») и на аналогичные рассуждения С.Н. Валка («не позволено») (с. 267). В другом месте эта проблема формулируется автором устами его героя как проблема «патрициев и плебеев в науке» (с. 416). В.М. Панеях показывает постоянно угнетенное состояние Б.А. Романова и его ощущение того, что он «лишний» в новом обществе. Трагично звучат слова Б.А. Романова о том, что «чем скорее мы (старики. — *Е.Р.*) истребимся, тем лучше будет для страны» (с. 268; ср.: с. 357, 366). Трагично, как бы их ни понимать — как издевку, горькую шутку, самопожертвование.

В книге показано (хотя и не сказано прямо), что власть долгое время фактически не вмешивалась в определение тематики работ, следя, однако, за их марксистской сущностью, и только после войны (см., например, с. 318, 319) потребовала, чтобы ученые сосредоточились на новейшем времени. Эта тема, по-моему, тоже требует специального изучения. Справедливо связывая эпизоды политической жизни с перипетиями на «историческом фронте», автор, на наш взгляд, все же иногда несколько абсолютизирует эту связь: и в 20-е гг. (см. выше), и в 50-е. Так, о ликвидации ЛОИИ в 1953 г. автор пишет: «Парадокс трагической ситуации состоял именно в том, что решение о ликвидации ЛОИИ принималось до смерти Сталина, а приказ об этом был подписан после его смерти» (с. 321). Однако Сталин умер, как известно, 5 марта, окончательное решение о ликвидации принято 20 марта, а приказ подписан 16 апреля 1953 г. (с. 319–

⁷ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947.

320). Остается также немало вопросов, которые требуют конкретных ответов. Откуда властям становилось еще в 20-е гг. известно о характере взаимоотношений между историками или о «нюансах» (с. 126) таковых? Почему практически все обвиняемые (с. 134) подписывали заведомо ложные показания? Как люди смотрели на власть в условиях, когда террор стал частью обыденной жизни? Как организовывались погромные статьи и одиозные решения, например, партбюро истфака о лишении Б.А. Романова Сталинской премии? С другой стороны, каким образом вдруг возникал коллективный протест у студентов-комсомольцев против гонений на старую профессуру?

С проблемой лояльности властям неразрывно связана и проблема конформизма в науке. С этой точки зрения привлекает внимание рецензия Б.А. Романова на сборник документов о Брест-Литовских переговорах, где «Б.А. Романов признал, что Брестский мир был единственным и вынужденным выходом из того положения, в какое попала страна в то время» (1920) (с. 66). В.М. Панеях убедительно показывает научную «объективность» в заявлении этой позиции (с. 66–67), но в тогдашних условиях такая «объективность» — это выбор в пользу власти. Впрочем, и сам автор видит здесь демонстрацию лояльности ученого с целью «продолжить исследования». Активно критикуя царский режим и его «патологическую сторону» (с. 76–77), Б.А. Романов не мог не понимать, что находится на «переднем фронте идеологической борьбы», в том числе с эмигрантской исторической публицистикой. В то же время интересно было бы рассмотреть вопрос о том, насколько эта борьба была искренней, а насколько — конъюнктурной. С нашей точки зрения, в политическом мировоззрении Б.А. Романова в том виде, как оно представлено в книге, чувствуется определенная двойственность. Так, в одной из статей⁸ Б.А. Романов утверждает, что П.А. Столыпин повел страну «ко второй революции и катастрофе» (с. 78). Вряд ли историк, претендующий на демонстрацию верноподданнических чувств по отношению к новому режиму, назвал бы случившееся (по-видимому, подразумевалась революция) «катастрофой». Та же двойственность мировоззрения Б.А. Романова проявляется и в сюжете об А.В. Колчаке (с. 92–93), где автор показал «объективность» и даже смелость Б.А. Романова, взявшегося за источниковедческий анализ показаний А.В. Колчака перед Чрезвычайной следственной комиссией⁹. Однако из изложения не ясно, какие убеждения или мотивы стояли за этим поступком. В.М. Панеях вслед за Р.Ш. Ганелиным¹⁰ отметил, что Б.А. Романов, создавая портрет А.В. Колчака, «не поддался <...> чувству классовой ненависти» (с. 93). Это не совсем удачная формулировка: а разделял ли Б.А. Романов это чувство вообще, и если да, то какого «класса»? Интересен эпизод со спором Б.А. Романова с А.Н. Насоновым в конце 20-х гг. по поводу «свободы слова», в котором Б.А. Романов доказывал, что «и при старом режиме свободы прессы не существовало» (с. 115), и считал необходимым и возможным писать так, чтобы «цензура пропускала все, что автор считает необходимым высказать» (с. 114). Для читателя опять-таки было бы интересно прояснить основания этого взгляда на мир. Или каково, например, истинное от-

⁸ Романов Б.А. [Рец.:] С.Ю. Витте, граф. Воспоминания. М.; Пг., 1923. Т. 1–2 // Книга и революция. 1923. № 3 (26). С. 54–56.

⁹ См.: Романов Б.А. [Рец.:] Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (доклад Пишона). М.; Л., 1925.

¹⁰ См.: Ганелин Р.Ш. Б.А. Романов — историк революционного движения в России // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 50–51.

ношение Б.А. Романова к В.И. Ленину, о котором он уважительно отзывается в частном письме (с. 365)?

В.М. Панеях многократно указывал на уступки, которые Б.А. Романов допускал в своем творчестве по отношению к господствующим в науке идеологическим доктринам. По его словам, это касалось, прежде всего, ритуальных ссылок на М.Н. Покровского (с. 105), высказываний классиков марксизма (с. 169, 230), отношения историка к работам Б.Д. Грекова (с. 217). Автор считает, что Б.А. Романов «в иносказательной, хотя и прозрачной форме определил свое место в исторической науке» (с. 184) в речи на защите докторской диссертации («*Русско-японская война (экономика, политика, дипломатия). 1895—1905*»¹¹) в 1941 г. Слова Б.А. Романова о том, что «он работал “на самом стыке буржуазной и советской историографии” не над “какою-либо грошовой темой”, а над “темой, которую невозможно переоценить именно для советской науки”» (с. 183) В.М. Панеях считает выражением следующей мысли: «будучи представителем старой, к тому же петербургской школы, он рискнул вторгнуться в заповедную зону марксистско-ленинской историографии и вынужден был подчиниться некоторым ею установленным правилам» (с. 184). Не беремся судить, требуются ли для такой интерпретации слов Б.А. Романова дополнительные аргументы, но, в любом случае, надо ли понимать, что речь идет только о ритуальных «правилах», связанных с употреблением соответствующего количества ссылок на классиков и марксистской терминологии? Иначе говоря, насколько «конформизм формы» предопределил содержание работы Б.А. Романова? Сам автор отвечает следующим образом (относительно этой конкретной работы): «На мучительный вопрос — стоила ли игра свеч, следовало ли автору идти на такие издержки ради публикации книги? — универсального ответа быть не может. Все зависит от того, в какой мере автору удастся при этом сохранить свою живую мысль, непредвзято исследовать проблему. Б.А. Романову, как представляется, это удалось» (с. 231). В ходе анализа «*Людей и нравов...*» В.М. Панеях убедительно показал первичность в построении именно индивидуализирующего антропологического подхода, а не марксистской социологической концепции (с. 213—226). В то же время автор, с одной стороны, утверждает, что Б.А. Романов просто отдал дань соответствующей (марксистской) терминологии (с. 226), а с другой, считает, что «древнерусское общество в книге Б.А. Романова представило как более архаичное (нежели в работах Б.Д. Грекова. — *Е.Р.*), находящееся на начальном этапе формирования феодальных отношений и складывания характерных для них классов» (с. 225—226). Но это только означает, что генезис феодализма Б.А. Романов относил к более позднему времени, а не то, что он отказался от самой марксистской схемы в области исторического синтеза, хотя автор и решительно утверждает, что Б.А. Романов «не может быть отнесен к числу марксистских историков» (с. 433).

Из приведенных соображений видно, что работа В.М. Панеяха, связанная с исследованием, казалось бы, узкой темы — биографии одного ученого-историка, затрагивает целый ряд коренных вопросов истории науки и общества. Это еще одно свидетельство того, что работа удалась. Более того, с нашей точки зрения, она задает новую «планку» в области историографического и историко-биографического исследования, в котором, оказывается, могут удачно сочетаться разные жанры: и научная биография, и историографический анализ, и историко-психологический портрет.

Е.А. Ростоцев

¹¹ См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.; Л., 1947.